

Маша Ловыгина

ОЗЕРО

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л68

Оформление серии *Янины Клыга*
Редактор серии *Анастасия Осминина*

Ловыгина, Маша.
Л68 Озеро / Маша Ловыгина. — Москва : Эксмо,
2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-204870-8

Журналистка Варвара Павлова, пытаясь убежать от своих проблем, едет делать репортаж об острове Сладкий в Вологодской области. Впереди бескрайние леса, таинственное озеро, заброшенный монастырь и покушение на убийство.

Мистическое место, а также знакомство с загадочным мужчиной заставляет Варю иначе посмотреть на многие вещи. Сквозь мглу, недоверие и опасность ей предстоит найти свою дорогу к счастью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ловыгина М., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204870-8

*Книга является
художественным произведением.
Все имена, персонажи, места и события,
описанные в романе, вымышленные
или используются условно.*

*Мистика окружает нас повсюду.
Человек скорее поверит в чудо,
чем задумается, почему оно произошло.*

Пролог

Апрель 1996 г.

Матвей Ильич остановился и свистнул, не увидев своей овчарки. Ведь только что была здесь — носилась вокруг, лезла в еще голые кусты, шурилась, тянула носом влажный воздух, шумно отфыркивалась и радовалась, помахивая хвостом.

«Наверное, почуяла белку», — подумал он и остановился, опираясь на суковатую толстую палку, найденную за полкилометра до этого. Прислушался и замер, наслаждаясь тишиной.

Хорошо, что они с женой приехали именно в это время. Ранняя весна — в городах грязь и суматоха, мутные мысли и недоговоренность. Хотя о чем это он? Все они обговорили, со всем смирились. Ну не будет своих детей, что ж теперь? Такие ситуации сплошь и рядом.

Но у нее, конечно, свои причины, которые мешают выйти из этого тупика. Семья... Вернее, отец, который на дух не выносит своего зятя, то есть его, Матвея. Нет детей — уходи, с другим получится. Старый упертый бобер, который никак не хочет понять, что проблема в здоровье его до-

чери. Патология, которую он же и передал ей через свою кровь...

Мужчина нервно ударил концом палки о землю, подняв брызги холодной грязи.

Их последняя поездка в дом ее родителей получилась какая-то сумбурная. Рута была на третьем месяце, мучилась от токсикоза, нервничала и при этом старалась всем угодить. А ее папаша кривился и качал головой, все время вспоминая, на каком сроке прервались ее предыдущие беременности и что в сорок лет она вряд ли уже когда-нибудь станет матерью, а то и вообще родит больного или инвалида.

Господи, кто бы говорил! Вот уж воистину в своем глазу человек бревна не замечает...

Хорошо, что они тогда быстро уехали. И дорога им далась с трудом, и чувствовала себя Рута все хуже и хуже... В поезде они договорились, что он возьмет отпуск и они уедут в Прохоровку — в его деревню, от которой остались лишь название и с десяток покосившихся домов.

Но потом снова была работа.

Все закончилось на двадцатой неделе, он сам прооперировал ее. Никто ничего не узнал. Пятнадцать лет вместе, вопреки всему, вопреки всем... Им нужно было побыть вдали ото всех, успокоиться и примириться с потерей, подумать хорошенько над тем, чтобы взять ребенка из детского дома, пока время еще не ушло и возраст позволял.

«Да, да, это самое лучшее, что мы можем сделать!»

— Джекки! — позвал он. — Хулиганка, иди ко мне!

В нескольких метрах от размытой дороги слышался шорох.

— Джекки! Ко мне!

Собака вынырнула из-под старых, ржавого цвета еловых веток и бросилась к нему. Нос и уши ее были покрыты иголками, к холке прилипли коричневые мокрые листья.

— Ох и попадет же тебе от мамы, грязнуля! Ну что, давай закругляться? — Мужчина потянулся и расслабил шарф на шее. — Смотри-ка, как солнце уже припекает. Весна... — Он присел на корточки и потрепал собаку за ухом. — Как же тебе, бедолаге, скучно будет в квартире. Ну, давай дойдем до развилки, и тогда уж точно домой.

Она тут же сорвалась с места и понеслась по кромке, пока он не спеша шел следом. Минут через десять он услышал лай, а затем Джекки опять выскочила на дорогу и остановилась там, глядя прямо ему в глаза. Шерсть на ее холке вздыбилась, хвост нервно дрожал.

— Иди ко мне, девочка! — По спине мужчины пробежался холодок. Рука крепче сжала палку.

Лес этот был знаком ему с детства, он знал здесь каждую тропинку, каждое старое дерево. Старожилы рассказывали, что место это мистическое, энергетически заряженное, но сам он никогда ни с чем потусторонним здесь не сталкивался. Хотя энергетика и впрямь присутствует.

Что могло померещиться собаке? Наверное, увидела мышь, их тут в последнее время развелось много.

Собака осталась стоять, но, как только он сделал первый шаг, тут же юркнула обратно в лес.

— Что ты там нашла? — Он огляделся и прислушался. — Джекки! — Он заторопился, почувствовав, какими влажными стали руки.

Продираясь сквозь сырые ветки и проваливаясь в слежавшийся, подернутый серой ноздреватой коркой снег, он вошел в лес и pokrutil голову. Собака заскулила, а затем снова залаяла. Он пошел на ее голос и вскоре увидел, как Джекки, растопырив задние ноги, стоит к нему спиной, напряженно опустив голову. Из ее горла доносился какой-то утробный звук, которого он никогда раньше не слышал.

— Ну что там такое, горе ты мое? — Мысли крутились где-то между сдохшей полевкой и раненой птицей. И то и другое могло бы, пожалуй, привести городскую собаку в столь нервное состояние. О диких зверях думать не хотелось, а надо бы... В последнее время, говорят, в их лесах появились волки.

Матвей Ильич перехватил палку в другую руку, чтобы поудобнее взяться за ошейник. Прищурившись, попытался разглядеть собачью находку между прелой черной травой, комьев снега и вздыбленных древесных корней. Джекки тянула носом воздух, скребла когтями землю, и липкие комья ее летели в его сторону.

Сердце тревожно заныло. Пришлось потерять грудину и несколько раз вдохнуть и выдохнуть. Инфаркта еще не хватало... не приведи господи помереть в лесу. Рута не переживет.

— Пошли отсюда... Померещилось тебе. Нет здесь никого... И ничего... — Он коротко свистнул и, не оглядываясь, заторопился прочь. Джекки побежала рядом.

Варвара

Варвара, наши дни.

Варвара уже минут пять стояла в коридоре и раздумывала над тем, что надеть на работу. Глубоко внутри она осознавала, что просто не хочет никуда идти. А все потому, что сегодня возвращается Олег. Возвращается в редакцию и в ее жизнь. Правда, уже женатым человеком. Как же быстро устраиваются некоторые — выныривают из прошлых отношений и с легкостью заводят новые, стирая из памяти все, что было до этого. У нее так не получается...

Она до сих пор помнит его запах, голос и улыбку. И фотография, где они сидят за столиком в ресторане, все еще стоит у ее кровати.

Конечно, Олег никогда серьезно и не относился к их встречам, и это она все додумала и досочинила, разукрасила вензелями и кружевами фасад, который давно требовал даже не ремонта, а сноса с помощью экскаватора. Около года вместе, Варвара почти свыклась с мыслью, что это навсегда.

Олег был старше, опытнее, основательнее. Взял под крыло только что окончившую журфак провинциалку, натаскал, сделав из нее профес-

сионального репортера, заставил поверить в то, что она все сможет. Познакомил с нужными людьми, разжевал и скормил с ладони тонкости практической журналистики. Аккуратно настроил ее, как скрипку, чтобы она стала послушным инструментом в его руках. Они стали близки совершенно естественным образом, когда ехали в спальном вагоне на фестиваль новостных программ. И потом провели две жаркие недели у моря, непонятно как находя время для освещения программы между постелью, встречами и короткими набегам на пляж.

Любой психолог сказал бы, что в лице Олега она искала отца, и оказался бы прав. Ей бы даже в голову не пришло доказывать обратное. Ее родители разбежались, когда ей исполнилось четыре. Мать осталась в Вологде, а отец умотал в Красноярск, где вскоре женился и завел себе еще парочку детей. Похоже, что история, приключившаяся с ее матерью, повторяется и с ней. Вот только, кроме фотографии и кое-каких забытых вещей и подарков, больше ничего Олег ей не оставил. У матери хотя бы была дочь — она, Варвара.

Думать о матери было трудно до сих пор, хотя после ее смерти прошло почти три года. И даже если развод стал спусковым крючком к болезни Зои, Варвара не могла осуждать отца. Мать была сложным и тяжелым человеком, и уж кому, как не ей, знать об этом.

Натянув зимние сапоги, Варвара застегнула пальто и повязала шарф. На улице небольшой минус, снег, но метро рядом, так что нет смысла портить шапкой прическу. Ведь Олегу нравятся ее длинные волосы. Придирчиво оглядев себя

в зеркало, она запустила пальцы в густую каштановую шевелюру и провела до самых кончиков. Надо всегда держать нос по ветру, и чтоб никто не догадался, как же тяжело может быть на душе. Главное, чтобы костюмчик сидел, глаза сверкали, а губы улыбались.

Хорошая дрессировка, Олег! Спасибо тебе огромное.

До офиса она добиралась сорок минут и пришла вовремя — рассчитывать время Варвара умела еще со студенческой скамьи. Нестерпимо хотелось кофе, и это было атрибутом включения в рабочую волну. Дома она принципиально пила только воду с лимоном и травяной чай, что было просто необходимо после литров крепчайшего черного кофе, выпиваемого во время работы и командировок.

В редакции было оживленно, и Варвара, попав в привычную круговерть, мгновенно расслабилась, перестав все время думать об Олеге. Следовало еще раз пробежаться глазами по статье, прежде чем сдать ее главному редактору, затем обзвонить и пробежаться по адресам и явкам в поисках интересных криминальных сюжетов. Ее, конечно, вполне по-дружески будут посылать или, наоборот, приглашать на свидания, но Варвара не теряла надежды выудить хоть какую-нибудь информацию, чтобы написать еще пару-тройку заметок. Конечно, ей хотелось чего-то большего, чем клишированные строки о разбоях, мошенничествах и бытовых убийствах, но специфика ее работы была именно такова. И как бы она ни старалась, когда писала статью о понижении возраста ответственности за уголовные преступления, написанное все

равно отдавало казенщиной. Главный редактор, Семен Аркадьевич, посмотрев на нее своими влажными миндалевидными карими глазами, изрек:

— Варенька, голубка, сделай так, чтобы они поняли.

— Кто они? — нахмурилась она. — Подростки?

— Подростки газет не читают... Родители, — крикнул Семен Аркадьевич, с трудом вмещая грузное тело в редакторское кресло.

Она и так и эдак выжимала из себя несколько абзацев, но перед глазами нет-нет да возникали свадебные снимки Олега, которые он щедро разместил в социальных сетях.

Хорошо, что не выставил их в «витрине» — прямо на первой полосе. Ему же есть чем хвалиться — брак с дочерью банкира открывает так много возможностей.

Варвара отвела взгляд от компьютера и посмотрела в окно. Взгляд ее вдруг сфокусировался на роскошном букете роз, стоявшем на подоконнике. Надо же, откуда? Даже не заметила его, когда вошла.

Рядом с ее крошечным кабинетом находился рекламный отдел, где работала Римма.

— Привет! — Варвара заглянула внутрь и увидела, как приятельница красит ресницы.

— Привет, — ответила та и вытянула губы трубочкой. — Кофе будешь?

— Буду!

— Заваривай.

— Слушай, Рим, а что это за букетище у меня стоит?

— Не знаю, спроси кого-нибудь другого.

— Что бы ты и не знала? Ну, колись, давай!

— Отстань. Это твои поклонники. Я — мужняя жена, мои букеты кончились много лет и три беременности назад.

— Твой муж ценит тебя за твой ангельский характер.

— За то, что я мечусь как сраный веник, ага. Что там с кофе?

— Готов. — Варвара налила кипяток в чашки и поставила их на стол.

— Конфетки? — предложила Римма.

— Нет, — Варвара вдохнула терпкий аромат, и на глаза тут же навернулись слезы.

Римма тотчас же ткнула ее в бок:

— Ну-ка, не раскисай. Ты чего? Из-за него, что ли?

— Никак не могу привыкнуть, что мы... что он...

— А я тебе говорила!

— Он тоже говорил. Но мне казалось...

Римма шумно втянула носом воздух и поставила чашку на стол:

— Только работа, Варь, способна привести в чувство. Еще скажи, что ты этого хмыря до сих пор любишь!

Варвара промолчала. Вываливать скопившееся внутри не было ни сил, ни желания. Хештег: «сама виновата» и так был написан на ее лбу крупным типографским каноном. За две недели, пока Олег Витальевич Разумов, заместитель главного редактора, наслаждался свадебным путешествием на Мальдивы, она хотя бы перестала вздрагивать от звука шагов в коридоре.

— Он возвращается сегодня, — не выдержав, произнесла тусклым голосом.